

Документальный триллер

Роберт
Ресслер
Микки
Нокс

Любить монстра

Краткая история
стокгольмского
синдрома

Москва

издательство

РОДИНА

2020

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р 43

Ресслер Р., Нокс М.

Р 43 Любить монстра. Краткая история Стокгольмского синдрома / Р. Ресслер, М. Нокс. – М.: Родина, 2020. – 416 с.

ISBN 978-5-907351-27-1

Люди, ставшие жертвами ограбления банка, тратят все свои сбережения на адвокатов своих мучителей. Внучку американского миллиардера Патрисию Херст похищают с целью получения выкупа, но уже через несколько дней девушка сама врывается в банк и размахивает заряженным оружием. Чудом вырвавшаяся на свободу Наташа Кампуш плачет, когда узнает о смерти человека, отобравшего у нее 3096 дней жизни.

Что такое стокгольмский синдром и на какие преступления может толкнуть человека любовь... к чудовищу? Ответ на этот вопрос вы найдете в книге легендарного американского профайлера Роберта Ресслера и криминального психолога Микки Нокса.

**УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)**

ISBN 978-5-907351-27-1

© Р. Ресслер, М. Нокс, 2020
© ООО «Издательство Родина»,
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь с чудовищами	6
Краткая история стокгольмского синдрома	10
Случай в Стокгольме	17
Отчаянная Патти Херст	33
Заключение Тимоти Лири	52
3096 дней плена, случай Наташи Кампуш	55
Механизм возникновения Стокгольмского синдрома	148
Любить монстра	152

ЖИЗНЬ С ЧУДОВИЩАМИ

Я не знаю ни одного серийного убийцы, который был бы похож на Ганнибала Лектора. Во-первых, потому, что среди серийников не было психотерапевтов. Я знаю нескольких врачей, которые унесли ряд жизней, но точно не в извращенной манере. Я не знаю ни одного человека со столь высоким положением в обществе, который был бы каннибалом. Либо был интегрирован в высшие слои и был столь дьявольски безумным.

Чтобы определить преступника, составить его профайл, вы должны понять способ его мышления, поставить себя на его место, понять и в конечном счете опередить его. Работа профайлера заканчивается в сознании убийцы. Он видит тебя, а ты его. Быть с ним настоящее волшебство, у него есть ключ, или окно, через которое он наблюдает за тобой. Таким образом, он смотрит, наблюдает за тобой. Точно так же, как и ты за ним. Когда я рисую для него картину, он видит и понимает, куда я пойду, каким будет мой следующий шаг. Таким образом, серийный убийца завершает составление психологического портрета самого профайлера. В этом и состоит суть работы криминального психолога. Установить невидимую связь между собой и убийцей.

Как началась моя жизнь среди чудовищ? Это был 1946 год. Город был охвачен паникой: в Чикаго появился маньяк, убивающий молодых девушек. Отец работал в Chicago Tribune, и у нас дома всегда было много номеров этой газеты. Меня поразила тогда одна деталь: убийца написал помадой своей жертвы следующую фразу: «Ради бога поймай меня быстрее, чем я снова убью. Я больше не могу себя контролировать». Очень скоро было совершено новое преступление. Преступник убил и расчленил тело женщины. Части ее тела были найдены в разных частях города. Что за человек способен на такое? Человек ли это вообще? Как ребенок я не мог представить себя на месте убийцы, но мог представлять себе то, как я расследую это дело.

Весь город был охвачен паникой. Многие родители стали забирать своих юных дочерей из школы, опасаясь маньяка. Tribune тогда оказалась в самом центре расследования. В кан-

ждом выпуске содержались новые подробности расследования «убийцы с помадой». Конечно, я был немного напуган, но в большей степени очарован. Я все чаще и чаще пытался себя поставить на место убийцы и именно тогда впервые задумался о том, что это могло бы помочь следствию. Чем больше мы понимаем преступника, тем легче предугадать его следующий шаг, легче его поймать. Так зародилась идея создания метода профилирования преступника.

Летом 1946 года мы играли исключительно в детективы. Мы представляли, как отслеживаем убийцу, арестовываем и допрашиваем преступников. Когда Уильям Хайренс, тот самый «убийца с помадой» был пойман, мои ровесники охладели к этим играм, но не я. В некотором смысле я играю в нее до сих пор. Помню, меня поразило то, что такой молодой Хайренс оказался способным на такую жестокость и хладнокровие. Тот факт, что он весьма трезво оценивал свои возможности и тщательно скрывал следы преступления, говорил о том, что он контролировал свои действия, но так ли это было на самом деле? Осознанный ли это выбор убийцы или какая-то непостижимая, темная сила толкает преступника на совершение убийства?

Потом были долгие годы учебы и работы в ФБР. Уже в Квантико, когда я преподавал патопсихологию, мы довольно часто летали на международные пресс-конференции. Именно тогда, на одной из них я и использовал впервые термин «серийный убийца». Тогда преступления наподобие тех, что совершал «сын Сэма» Дэвид Берговиц, назывались «убийством незнакомцем», а такие преступники именовались «чужими убийцами». Мне этот термин не нравился, так как он был недостаточно точным. Довольно часто жертва знала своего убийцу. На одной из конференций мы обсуждали серии убийств, краж, поджогов — преступлений с единым способом организации. Тогда-то я и применил этот термин, а затем стал часто употреблять его на лекциях со своими студентами. Серийные преступления случались все чаще, и начальство было обеспокоено тем, чтобы найти метод наиболее быстрого поиска таких преступников, поэтому этот термин и прижился.

Оглядываясь назад, я думаю, что в моем сознании сработала аналогия с приключенческими сериалами по субботам. Каждые выходные мы спешили в кино, чтобы увидеть следующую серию. Такой интерес объяснялся тем, что в конце каждой серии была так называемая «вешалка», «крючок», ход сценариста, с помощью которого накал конфликта в конце не

понижается, а, наоборот, повышается на десяток-другой градусов, оставляя зрителя в закипающем состоянии. Из-за этого зритель оставался в подвешенном, неудовлетворенном расположении духа и готов был пойти на все, лишь бы узнать, что было дальше. Подобный механизм работал и с маньяками. Сам акт убийства оставлял преступника в подвешенном состоянии. Он не удовлетворен. Он мог сделать это лучше. «Ах, я сделал это слишком быстро или медленно, доставил слишком много страданий или наоборот».

Большинство людей думает, что такие преступники похожи на Джекила и Хайда. Вот он вежливый, воспитанный и рассудительный человек, а вот уже у него растут клыки и когти. Серийные убийцы не такие. Мир преступника переполнен и отравлен фантазиями, которые, с одной стороны, дают им импульс к жизни, а с другой — толкают на новые преступления.

Этапы профилирования

Стадия ассимиляции. На этом этапе изучается вся доступная информация о совершенном преступлении. Фотографии с места преступления, отчеты о проведенном вскрытии, полицейские отчеты и показания свидетелей, а также, что в особенности важно, профиль жертвы.

Этап «классификации» предполагает интеграцию полученной информации, которая позволяет классифицировать преступника, определить, какой перед нами тип преступной личности: организованный или дезорганизованный. Организованные убийцы социализированы в обществе, способны планировать свои действия, оставляют крайне мало улик и зацепок. Дезорганизованный тип личности действует под влиянием импульса и имеет весьма скромные навыки социализации. В случае с убийцами такие личности нередко хотят вступить в половую связь с жертвой. Дезорганизованный тип не планирует своих действий и не способен к сокрытию улик.

После классификации наступает этап реконструкции, в рамках которого профайлеры изучают поведенческие особенности преступника, пытаются восстановить образ действия и способ мышления преступника в момент совершения деяния.

После этого профайлер обязан определить «модус операнди» преступника — его визитную карточку, то, что является главным для него в преступлении, что удовлетворяет его психологические потребности.

Сопоставляя способ совершения и «модус операнди», находя взаимосвязи и наличие промежуточных преступлений, профайлер может переходить к этапу создания профиля. В нем может и должна содержаться максимально подробная информация относительно правонарушителя, демографические характеристики, характеристика семьи, военный статус, образование, личностные характеристики, а также профиль может содержать рекомендации следователю о методе проведения допроса или интервью.

Профиль преступника является одним из инструментов в арсенале следователя. Именно эта методика помогает нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что толкает человека к краю пропасти, что служит отправной точкой в становлении его личности. Как человек превращается в монстра? Наша задача — попытаться на время стать монстром и суметь вовремя отвернуться от бездны, которая вечно смотрит на тебя.

Роберт Кеннет Ресслер

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА

Вам нравится сказка о Красавице и чудовище? Никогда не хотелось встретить человека, который для всех был бы монстром, но лишь для вас прекрасным принцем? Может быть, тогда вам по душе сказка о Дюймовочке или Мальчике-с-пальчике? Неужели никогда не хотелось иметь друга или любимую, которая помещается в карман и целиком и полностью зависит от вас, потому как вы единственный человек, способный ее защитить? Быть может, вам хотелось, чтобы вас кто-то пришел и спас? Кардинально изменил вашу жизнь? Или же заставить кого-то полюбить себя? Неужели, нет? Серьезно? Никогда не хотелось стать главным и единственным человеком, стать целым миром для своей второй половины? Если хотя бы на один из этих вопросов вы ответили согласием, у вас есть все предпосылки для того, чтобы стать жертвой стокгольмского синдрома. Если на все вопросы ответ отрицательный, скорее всего, вы попросту вретe.

Каждого человека можно поставить в положение жертвы, и у каждого можно выработать патологическую реакцию симпатии к своему мучителю. Вопрос лишь в том, как трансформируется эта симпатия с течением времени. Вот здесь все зависит от личности.

Стокгольмский синдром — ситуация, в которой жертва начинает испытывать симпатию к агрессору, влюбляется в собственного мучителя. Ни в одной классификации болезней вы не найдете диагноза «стокгольмский синдром». По одной простой причине — этот психологический феномен является нормальной реакцией человека, желающего выжить, это вовсе не патологический механизм защиты от стресса, как иногда пишут в различных статьях. Как и всегда, любая норма может перейти в патологию. Все зависит от интенсивности и длительности переживаний.

Впервые этот термин использовал известный психиатр Нильс Бейерт для описания психологического феномена, с которым ему пришлось столкнуться в 1973 году. К тому времени он уже был одним из самых известных и уважаемых психиатров не только в Швеции, но и во всем мире. В основном Нильс занимался проблемами борьбы с нарко-